

Стратегическая автономия Республики Корея: интеллектуальная химера или политическая реальность?

Константин Валерианович Асмолов, Институт Дальнего Востока РАН,
Москва, Россия

Александр Валерьевич Соловьев, НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Контактный адрес: asmolov@ifes-ras.ru

АННОТАЦИЯ

Набравший в последние годы в Республике Корея популярность дискурс о «стратегической автономии» до сих пор остается без серьезной теоретической актуализации. Данная статья пытается восполнить этот пробел на основе изучения южнокорейского дискурса о «средних державах», из которого вырос дискурс о «стратегической автономии», и социально-исторического анализа представлений корейцев о политической субъектности, развивавшихся под мощным влиянием как западных идей начала XX в., так и политических реалий военного альянса с США. В первом разделе статьи авторы рассматривают особенности использования Южной Кореей понятия «стратегическая автономия» применительно к ее внешнеполитической стратегии. Данный концепт рассматривается с использованием конструктивистской парадигмы. Во втором разделе авторы рассматривают дискурс «средней державы», вокруг которого и выстраивается концепция «стратегической автономии». По сравнению с первым, данный концепт довольно подробно разработан в западном и корейском политических дискурсах. Наконец, третий раздел статьи посвящен изучению эволюции этих концептов в южнокорейском дискурсе. Исключительно важную роль в этой эволюции играют обстоятельства формирования и развития военно-политического союза с США, а дискурс вокруг его перспектив во многом определяет особенности внутренней политики страны. Авторы приходят к выводу о том, что с академической точки зрения понятие «стратегическая автономия» может считаться лишь дискурсивной категорией, близкой к понятию «хеджирование» (*hedging*), но оно является важным элементом политической идентичности Южной Кореи и существенным фактором внутривнутриполитической борьбы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

стратегическая автономия, средняя держава, хеджирование, альянс РК и США, системное воздействие, дискурс, гибкие коалиции

В последние годы в лексиконе международных прижилось выражение «стратегическая автономия». Как правило, его применяют для описания политики Евросоюза, но этим же термином активно оперирует, например, политическое руководство Индии. Значительное место он занимает и во внешнеполитической риторике Южной Кореи. При этом серьезных академических исследований, посвященных этой категории, до сих пор почти не проводилось.

В первом разделе статьи мы попытаемся исследовать содержание южнокорейского дискурса о «стратегической автономии» и предложить концептуализацию этого понятия, привлекая по мере необходимости материалы общетеоретических и эмпирических исследований. Нам представляется, что своего рода ретроспективный анализ этой концепции в рамках конструктивистского подхода будет наиболее продуктивен в силу как дискурсивного характера самого понятия «стратегической автономии», так и тесной связи его с корейской политической идентичностью.

Во втором разделе статьи мы рассмотрим дискурс вокруг концепции «средней державы» (*middle power*), поскольку именно в его рамках сформировался дискурс о «стратегической автономии» в его современном виде. Эта концепция достаточно подробно освещается корейскими и западными специалистами, а с недавних пор серьезное внимание ему начали уделять и отечественные корееведы.

Однако углубленный анализ этих идей без серьезного социально-исторического обзора представлений корейцев о политической субъектности был бы неполным. Третий раздел статьи посвящен генезису и эволюции этих представлений. Исключительно важную роль в этой эволюции играют обстоятельства формирования и развития военно-политического союза с США, а дискурс вокруг его перспектив во многом определяет особенности внутренней политики РК и дискурс вокруг «стратегической автономии».

Мы посчитали возможным обойтись без отдельного обзора литературы и источников – базовые работы по теории альянсов или концепции «средней силы» известны достаточно широко, а конкретные статьи, к которым обращались в ходе исследования, мы характеризовали по мере необходимости в самом тексте.

Тем не менее мы считаем необходимым отметить одну специфическую особенность отечественного корееведения. Наши специалисты порой с некоторым скепсисом относятся к теоретическим концепциям, выходящим за рамки реалистской парадигмы, а международники-теоретики редко обладают глубоким знанием корейской фактуры. Впрочем, это несколько не мешает первым осуществлять высококачественный эмпирический анализ этой фактуры, а вторым – пользоваться результатами этого анализа. Такие фундаментальные работы, как «Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории» А.В. Торкунова, В.И. Денисова, Вл.Ф. Ли или «Современная Корея. Метаморфозы турбулентных лет» А.В. Торкунова, Г.Д. Толорая и И.В. Дьячкова, предлагают специалистам глубокий и всесторонний эмпирический анализ развития ситуации на полуострове и в регионе в целом с акцентом на специфичности ситуации (и, возможно, с некоторым «перекосяком» в сторону КНДР, который вполне оправдан тем, что именно Пхеньян является основным «возмутителем спокойствия» в регионе и драйве-

ром изменения статус-кво). Монография К.В. Асмолова «Корейская политическая культура: традиция и трансформация» подчеркивает необходимость учитывать эволюцию и преемственность политических идей.

Мы практически не обращались к этим работам напрямую (мы не цитируем их и не включаем в библиографию), поскольку сосредоточились прежде всего на корейском дискурсе, однако хотим подчеркнуть, что для понимания и оценки внешней и внутренней фактуры корейской политики эти работы исключительно важны. Без хорошего знакомства с ними любая попытка анализа корейской внешнеполитической проблематики была бы неполной.

Риторика стратегической автономии

Впервые публично и официально о стратегической автономии Республики Корея (РК – далее) заговорил, по всей видимости, в марте 2005 г. тогдашний премьер-министр Ли Хэчхан. Выступая перед чиновниками МИДа, глава правительства отметил, что «Корее пришло время принять независимую геополитическую доктрину, которая выйдет за пределы догматов холодной войны, направленных на сдерживание Китая и Северной Кореи»¹.

Это заявление было сделано в период довольно бурного развития событий в регионе. В феврале 2005 г. КНДР официально объявила о том, что страна обладает ядерным оружием (из ДНЯО Пхеньян вышел двумя годами ранее); жесткие требования Вашингтона усилить давление на северокорейский режим не встретили понимания в Сеуле; японо-южнокорейские отношения в очередной раз обострились из-за конфликта вокруг принадлежности острова Токто. Летом того же года возобновились шестисторонние переговоры по ядерной программе КНДР, на которых Южная Корея фактически выступила против США, солидаризировавшись с РФ и КНР.

Однако в дальнейшем ни теоретического, ни структурного, ни даже идейного наполнения идея стратегической автономии, по сути, не получила. Даже в программном тексте о «Новой Южной политике» с громким подзаголовком *Korea's Newfound Ambition in Search of Strategic Autonomy*² понятие «стратегическая автономия» не определяется – она просто принимается как данность.

Вполне вероятно, что в текст этой политической декларации, созданной на платформе французского аналитического центра *The French Institute of International Relations (IFRI)*, понятие «стратегическая автономия» перешло из европейского политического дискурса. Там оно с подачи Франции³ прижилось довольно давно. Одна из немногочисленных попыток теоретического осмысления этого конструкта предполагает, что концепция «стратегической автономии» восходит к обсуждению вопросов стратегической безопасности Европы, означает «желание Европы действовать на мировой арене в одиночку» и подразумевает «стремление Европы избавиться от взаимозависимости от мира, в создании кото-

1 Ahn Sung-kyu, Min Seong-jae, "Prime Minister Seeks Strategic Independence," Joongang Daily, March 30, 2005. Цит. по: Shin 2016, 197.

2 Choe 2021.

3 Mauro 2018, 4. Отцом французской стратегической автономии стоит, вероятно, считать Ш. де Голля, использовавшего этот термин публично еще в 1950 г., а на уровне политической доктрины в официальном документе она впервые упоминается в *Livre Blanc sur la Defense* 1994 г.

рого она принимала участие в последние несколько десятилетий»¹. М. Леонард и Дж. Шапиро также замечают, что подобный подход имплицитно подразумевает антиамериканизм – впрочем, другие авторы придерживаются противоположного мнения².

Фактически сегодня на теоретическом уровне концепция «стратегической автономии» не концептуализирована. В академических работах на английском и корейском³ языках термин *strategic autonomy* (кор. *чоллякчок чаюльсонъ*) встречается заметно реже, чем в выступлениях политиков (чаще используют либо просто *autonomy / чаюльсонъ*, либо *agency*, либо *sovereignty*). В публицистике же (прежде всего консервативной) термин *чоллякчок чаюльсонъ* используется скорее как антитеза «политическому пейоративу» *чоллякчок мохосонъ* («стратегическая двусмысленность / нерешительность») – негативному эвфемизму для обозначения концепции «сбалансированной / гибкой дипломатии» (*balanced diplomacy*). Впрочем, эту тактику некоторые до сих пор считают вполне действенным способом балансировать между различными интересами как крупных, так и более мелких держав в регионе⁵.

Интересно, что оформившаяся в политический мейнстрим при администрации Но Мухёна (2003–2008) идея «гибкой дипломатии» отходит от «классической» реалистской трактовки балансирования как инструмента конфронтации, необходимого для «достижения и поддержания великими державами общесистемного равновесия посредством взаимного коалиционного сдерживания»⁶ и подразумевает скорее посредничество, чем формирование противовеса. Иными словами, РК предлагала себя на роль «демпфера» в потенциальных региональных и даже глобальных конфликтах. «Момент однополярности» начала XXI в. обольщал перспективами необратимого доминирования либерального миропорядка, внушал надежды на то, что необходимости в сдерживании уже не будет, и провоцировал на переосмысление конфронтационных концепций в духе взаимовыгодного сотрудничества.

В такой обстановке южнокорейские лидеры действительно могли рассчитывать на то, что им удастся, опираясь на Китай, занять ведущее положение в обсуждении вопросов безопасности на полуострове, заменив сдерживание сотрудничеством, нацеленным на постепенное сближение с Пхеньяном. Даже по ключевому вопросу ядерной угрозы со стороны КНДР оптимисты ожидали решительных успехов. Агрессивный же напор администрации США (особенно при Дж. Буше-младшем) диссонировал с такими ожиданиями. Возможно, это подтолкнуло Сеул к тому, чтобы в процессе шестисторонних переговоров поддержать конструктивную позицию Москвы и Пекина в противовес Вашингтону, впервые выступив против своего политического патрона в принципиальном

1 Leonard, Shapiro 2019, 5.

2 *Бойе, И.* Автономия альянсу не помеха // Россия в глобальной политике. – 2013. – №3. – Спецвыпуск 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/avtonomiya-alyansu-ne-pomeha/> (дата обращения 19.07.2021).

3 См., например, 이수형 2012; 권영근 2016.

4 См., например, 박영준, “트럼프 등장 이후 일본과 나토 국가들의 ‘전략적 자율성’ 논의 (Japan and NATO Countries Discuss ‘Strategic Autonomy’ after Trump Appearance),” KIMS Periscope, accessed June 15, 2021, <https://kims.or.kr/issubrief/kims-periscope/peri88/>.

5 James Park, “Biden Should Embrace South Korea’s Strategic Nondecision on the Quad,” The Diplomat, March 05, 2021, accessed June 15, 2021, <https://thediplomat.com/2021/03/biden-should-embrace-south-koreas-strategic-nondecision-on-the-quad/>.

6 Истомин, Байков 2019, 34.

вопросе. Упорное стремление администрации США добиться трансформации – а точнее, падения – северокорейского режима, невзирая на последствия, вызывало озабоченность у южнокорейских лидеров, а интересы Китая в отношении КНДР в тот момент больше соответствовали интересам Южной Кореи, чем интересы США¹.

Впрочем, несмотря на принятое в сентябре 2005 г. совместное заявление о принципах денуклеаризации Корейского полуострова, КНДР вскоре возобновила ракетно-ядерную программу. Надежды на деэскалацию оказались иллюзорными, и в южнокорейском дискурсе о «стратегической автономии» заметное место заняло обсуждение собственных (внутренних) возможностей и компетенций². Этому могли способствовать и периодические размолвки с Вашингтоном, вызывавшие разного рода озабоченности у лидеров Южной Кореи (их угрозу устойчивости альянса, впрочем, переоценивать не стоит³), и периодические обострения отношений с Японией, а в самое последнее время – опасения по поводу усиления Китая.

В практическом плане развитие собственных возможностей прежде всего предполагает наращивание собственной военной мощи⁴. По данным *International Institute for Strategic Studies*, по затратам на оборону Сеул находится на 10-м месте в мире⁵, а в рейтинге военной силы *Global Firepower* занимает шестое, лишь немного уступая Японии⁶. К началу 2030-х гг. Южная Корея планирует обзавестись полноценным авианосцем⁷ (авианесущими кораблями она уже располагает), а с недавнего времени возобновились разговоры о собственном ядерном оружии⁸.

Таким образом, «силовая основа» международных возможностей Сеула представляется достаточно надежной. Попытки создать столь же надежное идеологическое обоснование стратегического суверенитета не прекращаются, но с теоретическим обоснованием этих претензий не все гладко. Понятия суверенитета и автономии в теории международных отношений определены достаточно давно и подробно⁹ (так, еще в 1991 г. Дж. Морроу определил концепцию автономии как «степень, до которой государство [готово] преследовать желаемые перемены в статус-кво, меру напористости на международной арене и способность государства определять собственную политику»¹⁰).

1 Bong 2017, 47–48.

2 강인수, “美 대선 갈림길 선 한국 ‘전략적 자율성’ 확보해야 (Korea Must Secure ‘Strategic Autonomy’ at the Crossroads of the U.S. Presidential Election),” 매일경제, August 10, 2020, accessed June 10, 2021, <https://www.mk.co.kr/opinion/columnists/view/2020/08/818196/>.

3 Как высказался по этому поводу В. Ча, озабоченности такого рода «свидетельствуют скорее о существовании альянса, чем о его разрыве» (Cha 2003, 18). Разумеется, американский эксперт корейского происхождения, бывший главным советником по КНДР в администрации Дж. Буша-младшего, является убежденным сторонником альянса, поэтому его оценки сложно считать совершенно нейтральными. Однако они очень показательны.

4 D. Son, and A. Abrahamian, “South Korea’s Search for Autonomy,” *The Interpreter*, December 15, 2017, accessed July 01, 2021, <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/south-korea-search-autonomy>.

5 *The Military Balance* 2021.

6 “Military Strength Ranking,” *Global FirePower*, Strength in numbers 2021, accessed July 01, 2021, <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php>.

7 Mark Episkopos, “Aircraft Carrier Armed with Stealth F-35s: South Korea Has Big Navy Dreams,” *The National Interest*, July 09, 2020, accessed July 01, 2021, <https://nationalinterest.org/blog/korea-watch/aircraft-carrier-armed-stealth-f-35s-south-korea-has-big-navy-dreams-164408>.

8 Mark Episkopos, “South Korea: The Next Nuclear Weapons State?” *The National Interest*, August 26, 2020, accessed July 01, 2021, <https://nationalinterest.org/blog/korea-watch/south-korea-next-nuclear-weapons-state-167803>.

9 Дискуссию о размытии концепции суверенитета и концепции государства в поствестфальском мире мы оставляем в стороне – хотя бы потому, что РК все же представляет собой скорее национальное государство вестфальского типа, чем какое-либо иное.

10 Morrow 1991, 909.

Если попытаться все же, исходя из самой логики международных отношений, выделить критерии, позволяющие государству претендовать на обладание стратегической автономией, то главным из них будет совокупный державный вес, достаточный, чтобы играть роль самостоятельного актора в политике. Этот вес определяется сочетанием военной и невоенной (экономической, культурной, научной, коммуникационной) мощи, общим авторитетом в международном сообществе и представленностью в международных институтах.

Но это уровень великой державы, обладающей соответствующим набором сил и ресурсов, отчего ее автономия является именно стратегической. Для более мелких стран можно выделить следующие возможности, позволяющие претендовать на ту или иную степень автономности, которую можно назвать «тактической»:

1) Наличие одного из параметров, который настолько высок, что вынуждает великие державы в определенной мере считаться с данным актором. Северная Корея обеспечила себе подобный статус за счет развития ракетно-ядерной программы (впрочем, с учетом критической экономической зависимости КНДР от Китая говорить о полноценной автономии тут, конечно, не приходится). Вообще, неожиданное для многих усиление Пхеньяна порой провоцирует международных на довольно смелые метафоры. Так, в одном из исследований авторы назвали КНДР «маленькой великой державой»¹.

2) Умение лавировать (балансировать) между сверхдержавами, не позволяющее ни одной из них нарастить свое влияние до степени потери балансирующей страной самостоятельности. Такое поведение продемонстрировала КНДР в период холодной войны, лавируя между СССР и Китаем.

3) Уникальное положение «геополитического буфера (демпфера)», снижающее вероятность прямого конфликта, или нейтральный статус страны, поддержанный международным сообществом. В принципе, «гибкую дипломатию» Но Мухёна можно считать притязаниями на роль такого буфера, а тема нейтралитета (кор. *чунънипкук*) периодически обсуждается в корейском политическом истеблишменте, причем довольно активно – в частности, при администрациях Но Мухёна (2003–2018) и Пак Кынхе (2013–2017)².

С академической точки зрения концепция стратегической автономии пока выглядит своего рода интеллектуальной химерой (особенно в глазах приверженцев реализма), хотя и применяется как описательная характеристика (и не только для политики ЕС)³. Впрочем, реалисты активно оперируют заимствованным из финансово-инвестиционной сферы понятием «хеджирование» (*hedging*), подразумевающим «развитие тесных отношений с сильным партнером при соблюдении собственных интересов и диверсификации связей с ним, дабы застраховаться от чрезмерной зависимости»⁴. Такая трактовка очень близка к тому, что Сеул вкладывает в собственное понимание стратегической автономии – и на

1 Korhonen, Mori 2019.

2 Kim 2016, 3.

3 См., например, Бордачев, Т. Последняя империя и ее соседи // Россия в глобальной политике. – 2021. – № 2. – С. 8–24. [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/imperiya-i-eyo-sosedi/> (дата обращения 27.07.2021).

4 Денисов, И., Лукин, А. Коррекция и хеджирование // Россия в глобальной политике. – 2021. – Том 19 (4). – С. 169. [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/korrekcziya-i-hedzhirovanie/> (дата обращения: 27.07.2021).

словах (этим понятием довольно активно оперируют и корейские международники, описывая различные аспекты внешней политики страны), и на деле.

Само присутствие этого понятия в поле внешнеполитической коммуникации позволяет как минимум считать его полноценной дискурсивной категорией. При этом в дискурсивном поле, которое инициатор дискурса контролировать полностью не может, сама Южная Корея порой становится жертвой собственного детища, когда этот дискурс подхватывают и обращают против нее. Так, в 2019 г. В. Путин публично упрекнул Сеул в «дефиците суверенитета при принятии окончательных решений» по отношению к КНДР¹, а А. Кортунув в марте 2021 г. предположил, что в ходе предстоящего визита в Южную Корею С. Лавров «обязательно проверит пределы “стратегической автономии” РК от Вашингтона»².

Вообще, испытывать своего «стратегического партнера» (а Россия официально является стратегическим партнером РК), пожалуй, не самый мудрый шаг. Другое дело, что «стратегическое партнерство» в реалиях южнокорейской внешней политики – это скорее эпитет: наряду с Россией «стратегическими партнерами» Сеула являются, например, Колумбия, Румыния, Алжир и Дания³. По замечанию И. Дьячкова, для Кореи «практика использования “больших оценок” как средства выражения взаимной приязни в торжественный момент – не редкость»⁴. Так что, возможно, обращение к этой категории в южнокорейской политической риторике – просто дань традиционному пристрастию к «красному словцу».

Как бы то ни было, даже если концепция «стратегической автономии» остается слабо осмысленной теоретически, она все же является инструментом как внешней, так и внутренней политики. А это должно подталкивать международных к ее глубокому изучению. Аналогичным образом, через теоретическую рефлексию политической риторики и политических практик, происходило осмысление и концепции «средней державы», на основе которой в Южной Корее и формировался дискурс о «стратегической автономии».

Дискурс «среднедержавности»

В преамбуле упомянутого в предыдущем разделе текста о «Новой Южной политике» (НЮП) утверждается: «НЮП представляет собой [курс, направленный на реализацию] амбиций Сеула как средней державы, которая стремится достичь большей стратегической автономии, принять на себя более существенную международную ответственность и роль, соответствующие ее статусу и возможностям в глобальном обществе»⁵.

В публицистике, обращающейся к теме стратегической автономии, нынешнее политическое положение Южной Кореи нередко сравнивают сполитическим

1 Путин, В. Пресс-конференция по итогам российско-северокорейских переговоров // Президент России. 25 апреля 2019. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60370> (дата обращения: 25.06.2021).

2 Andrey Kortunov, “Growing US pressure incentive to make China-Russia ties more diverse,” *Global Times*, March 22, 2021, accessed June 10, 2021, <https://www.globaltimes.cn/page/202103/1219125.shtml>.

3 Дьячков 2020а, 76.

4 Ibid.

5 Choe 2021, Executive Summary.

положением Индии (где также активно используется риторика стратегической автономии), Австралии, Канады, Франции и Германии¹.

Концепция «средней державы» осмысливается теоретиками уже достаточно давно (это понятие было введено еще в XVI в. савойским мыслителем Дж. Боте-ро), а практиками активно используется уже с середины XX в. Канада заявила о себе как о «средней державе» на международной арене практически сразу после окончания Второй мировой войны². В Южной Корее идею «средней державы» первыми начали также эксплуатировать политики – пионером стал Но Тхэу (Но Дэу) еще в 1988 г.³, а теоретическая рефлексия вокруг этого концепта началась только к концу первой декады XXI в., но к настоящему времени этой теме посвящен уже целый корпус работ.

Корейские международники пытались – и не без успеха – «натурализовать» западную концепцию, наполнив ее корейскими и региональными коннотациями. Подробный и тщательно фундированный обзор особенностей этой натурализации провели А. Воронцов, Т. Понька и Э. Варпаховски⁴. Ключевая проблема академической концептуализации понятия «средняя держава» состоит в размытости этого термина: фактически однозначного определения не существует до сих пор, подходы оспариваются, модифицируются и эволюционируют.

К концу XX в. в академической среде утвердилась концепция Э. Купера, Р. Хиггота и К. Носсала, определяющих «среднесильность / среднедержавность» через общие поведенческие тенденции (в частности, через проведение политики «среднесильности» (*middlepowermanship*), подразумевавшей приверженность многосторонности (мультилатерализм), стремление к урегулированию конфликтов и опору на моральную силу)⁵. А. Купер, Р. Хиггот и К. Носсал считали, что «поведенческая парадигма» обладает наибольшей объяснительной силой.

Однако она оказалась не столько объясняющей, сколько предписывающей (в разряд «средних держав» в рамках такого подхода можно было записать любую страну – вне связи с ее объективными возможностями, включая силовые и экономические – на том лишь основании, что ее поведение соответствовало заданной модели; иными словами, возникала когнитивная ловушка – данная страна определяется как «средняя» потому, что ведет себя в соответствии с определением «средней страны»). Кроме того, она способствовала политизации и так достаточно политизированного дискурса: сама заявка на «среднедержавность» могла повысить международную репутацию страны. Правда, это, похоже, не смущало ни корейских политиков, ни теоретиков, которые охотно обращались к работе А. Купера, Р. Хиггота и К. Носсала для обоснования притязаний Сеула – репутационная привлекательность страны была в равной мере и целью, и средством внешней политики РК в XXI в.

1 См., например, «[폴리경제이슈] 마·중 패권 전쟁 격화...“한국, ‘전략적 자율성’ 길러야 ([Polyeconomics] U.S.-China Hegemony War Intensifies...Korea Needs to Raise 'Strategic Autonomy')”, 폴리뉴스, May 5, 2016, accessed July 27, 2021, <http://www.polinews.co.kr/news/article.html?no=488770>.

2 Chapnick 2000, 188. Интересно, что сам Чапник считал концепцию «среднедержавности» Канады политическим мифом – лишь инструментом в руках политиков.

3 Shin 2016, 195.

4 Воронцов et al. 2020.

5 Cooper et al. 1993; Chapnick 1999, 75.

Не вызывала у них отторжения и идеологическая нагруженность дискурса о средних державах, поскольку Сеул вполне разделял доминировавшие в период «однополярного момента» представления о практически безоговорочном торжестве идей либеральной демократии. Эта нагруженность сохраняется и сегодня – пусть и в несколько менее выраженной форме. Так, Э. Джордаан, к статье которого о «новых (нарождающихся) средних державах»¹ корейские авторы также обращаются достаточно часто, теперь предлагает считать «средними» только те страны, которые «активно поддерживают проект либеральной гегемонии»².

Охотно поддержал южнокорейский политикум и развитие дискурса о «средних державах» в конструктивистском ключе. Конструктивисты полагают внешнеполитическое поведение держав производной от их идентичности. Иными словами, представление о себе как о «средней державе» формируется и отражается не только в риторике, но и – через дискурс – в международном поведении³. Ключевую роль в формировании этой идентичности играет политическое руководство страны, но и академическая дискуссия становится частью конструирования этой идентичности (а «натурализация» западных идей – элементом такого конструирования). Упомянутый выше анализ корейского «среднедержавного» дискурса, проведенный А. Воронцовым, Т. Понькой и Э. Варпаховским⁴, наглядно это иллюстрирует: критика, переоценка и переосмысление западных моделей позволяют южнокорейскому академическому и политическому истеблишменту формулировать собственное представление и о национальных интересах (как об «идеях в отношении необходимого»⁵), и о подобающем месте страны в регионе и на международной арене в целом.

Конструктивный подход, конечно, уязвим для критики. Прежде всего, он провоцирует риторику политического руководства полагаться на критерий принадлежности к средним державам. Соответственно, смена этой риторики (в зависимости, например, от выборных циклов) должна автоматически выводить страну из разряда «средних»⁶. В случае с РК, правда, подобные опасения остаются (пока) исключительно гипотетическими. Все администрации, начиная с правительства Но Тхэу, активно поддерживали и развивали «среднедержавный» дискурс. Правительство Ким Ёнсама (1993–1998) провозгласило «среднедержавность» официальной идентичностью РК, в рамках политики глобализации (*segexwa*). В 1995 г. РК стала непостоянным членом СБ ООН, а в 1996 г. присоединилась к ОЭСР. Присутствие в столь авторитетных международных институтах, разумеется, повышало ее статус и репутацию. Установив дипотношения с СССР (1990) и КНР (1992) в рамках заявленной администрацией Но Тхэу новой внешнеполитической концепции *Nordpolitik* («Северная политика»), Сеул получил значительное преимущество перед Пхеньяном, серьезно диверсифицировав внешнеполитическую коммуникацию, в то время как КНДР постепенно оказывалась во все более плотной международной изоляции (что, в принципе, отвечало целям Сеула, который

1 Jordaан 2003.

2 Jordaан 2017.

3 Shin 2016, 193–194; Sohn 2015; Easley, Park 2018.

4 Воронцов et al. 2020.

5 Алексеева 2014, 16.

6 Carr 2014a, 76.

стремился занять если не монопольные, то ведущие позиции в коммуникации с Севером).

При Ким Дэчжуне (1998–2003) потенциал «среднедержавности» РК реализовывался куда более наглядно. Сеул инициировал создание региональных форумов (*East Asian Study Group (EASG)* в 2000 г. и *East Asian Forum* в 2003), но самой громкой инициативой стала «солнечная политика (или политика солнечного тепла)», нацеленная на решительное изменение отношений с КНДР. Разумеется, она предусматривала не смену цели (мирное сосуществование вместо поглощения Севера), а смену методов: вместо открытой конфронтации Север предполагалось фактически «обаять». Однако «солнечная политика» была недвусмысленной заявкой на лидерство в одном из ключевых вопросов региональной безопасности (*Nordpolitik* была не настолько амбициозной). Она способствовала привлечению к коммуникации с КНДР третьих стран, что в итоге позволило несколько ослабить дипломатическую изоляцию Пхеньяна¹. Подобное поведение уже вполне укладывалось в рамки теоретической модели внешнеполитического активизма средних держав.

Администрация Но Мухёна (2003–2008) сделала еще более амбициозную заявку на роль «экономического и логистического хаба» и «демпфера» (*balancer*) в масштабе как минимум АТР. В этот период понятие *middle power* окончательно утверждается в южнокорейском публицистическом дискурсе. Тогда же, пожалуй, наиболее активно обсуждается возможность нейтрального статуса страны². Экономика РК быстро росла, страна достаточно легко смогла оправиться от последствий кризисов 1998 и 2008 гг., которые в стратегическом смысле даже способствовали росту международного влияния Сеула через клуб G20 (первый кризис спровоцировал формирование «двадцатки», а второй заметно стимулировал ее деятельность). При Ли Мёнбаке (2008–2013) РК стала хозяйкой первого азиатского саммита G20 в 2009 г., ее активность в рамках клуба позволяла говорить уже о реальном участии в процессах глобального управления. Администрация Пак Кынхе (2013–2017) постулирует международную роль РК как «ответственной средней державы», вносящей существенный вклад в поддержание мира во всем мире (при этом сам термин «средняя держава» отходит несколько в тень³), фиксируя таким образом глобальные амбиции Сеула, на доктринальном уровне сформулированные в «Инициативе по миру и сотрудничеству в Северо-Восточной Азии»⁴. Идея регионального посредничества трансформируется в идею «моста между развитыми и развивающимися странами в сетевом международном сообществе»⁵ (эта риторика несколько напоминает российский дискурс начала XX в. о «мосте между Европой и Азией»). Сеул выдвигает «Евразийскую инициативу» (идею «единой», «креативной» и «мирной» Евразии, которая выглядит своего рода риторической альтернативой китайскому «Поясу и пути»), выступает одним

1 Robertson 2007, 160.

2 Shin 2016, 198.

3 Kim 2016, 6. Эта статья предлагает детальный анализ дискурсивной инструментализации концепта «средней державы» при администрациях Но Мухёна, Ли Мёнбака и Пак Кынхе.

4 Lee Sang-Hyun, "The Northeast Asia Peace and Cooperation Initiative (NAPCI): A Vision toward Sustainable Peace and Cooperation in Northeast Asia," *The Asian Forum*, 2014, accessed July 01, 2021, <https://theasianforum.org/the-northeast-asia-peace-and-cooperation-initiative-napci-a-vision-toward-sustainable-peace-and-cooperation-in-northeast-asia/>.

5 Easley, Park 2018, 245.

из создателей и лидеров неформального объединения МИКТА (MIKTA), в которое, помимо Кореи, входят Австралия, Индонезия, Мексика и Турция.

«Новая Северная политика» и «Новая Южная политика», провозглашенные нынешним южнокорейским лидером Мун Чжэином, стали очередными декларациями как региональных, так и глобальных притязаний. По утверждению одного из членов Президентского совета по Новой Южной политике Чхве Вонги, НЮП «представляет собой амбиции Сеула как средней державы, стремящейся укрепить свой международный статус и идентичность, расширить региональное лидерство и влияние, а также получить экономические выгоды от расширения международной инвестиционной и торговой деятельности»¹. Не менее смело звучала идея соединения с континентом через территорию КНДР, составлявшая политэкономическую основу НСП.

Разумеется, теоретическое осмысление концепции «среднедержавности» далеко от завершения. Удачный симбиоз элементов конструктивизма и структурного реализма для определения «средних держав» в условиях быстро меняющегося и неупорядоченного мира предложил Э. Карр. Его концепция «системного воздействия» (*systemic impact*) вписывает изучаемую страну в общую систему международных отношений через результаты ее воздействия на конкретные элементы этой системы. Э. Карр определяет «средние державы» как «страны, способные защищать свои ключевые интересы и инициировать изменения конкретных аспектов существующего миропорядка (но не саму его структуру²) или возглавлять их»³. Под таким воздействием Э. Карр понимает способность «оказывать влияние, формировать дискурс и, возможно, даже выводить мир из циклов постоянных конфликтов великих держав»⁴, – внешнеполитические амбиции Сеула отвечают всем этим критериям.

Влиятельность в такой трактовке означает прежде всего проекцию силы, пусть и не обязательно напрямую связанной с военной (в этом смысле средние державы ограничены в своих возможностях принуждать другие государства, хотя себя защитить способны⁵) или экономической мощью. В принципе, такой подход вполне подходит и для оценки «среднедержавности» Сеула, особенно в региональном контексте.

В целом теоретики – кто безоговорочно⁶, кто с оговорками⁷ – сходятся в том, что РК можно считать вполне состоявшейся «средней державой». Сомнения у теоретиков вызывают не столько претензии Сеула на автономию (амбивалентность этих притязаний либо принимается как данность, либо рассматривается как диалектическое противоречие, стимулирующее и направляющее политическое развитие), сколько недостаточная амбициозность или последовательность внешнеполитического активизма.

1 Choe 2021, 7.

2 Carr 2014b.

3 Carr 2014a, 79. Эта концепция позволяет разрешить еще одну дилемму «средних держав» – противоречие между их приверженностью статус-кво (Cox 1989; Jordaаn 2003) и стремлением (и способностью) к локальным изменениям миропорядка, пусть и ограниченным как собственными возможностями, так и внешними обстоятельствами.

4 Carr 2014b.

5 В отношении РК этот аспект, разумеется, является самым спорным.

6 См., например, Ping 2005; Saxer 2013; Snyder 2018; Job 2020.

7 См., например, Robertson 2007; Kim 2016; Shin 2016; Easley, Park 2018; Green 2019.

В статусе «средней державы» Сеул пытается обозначить свое лидерство в решении целого ряда глобальных проблем, выдвигая на первый план экологическую, климатическую или низкоуглеродную повестку, вытеснившую с авансцены проекты в области ядерной энергетики, которые Южная Корея активно разрабатывала во второй декаде XXI в. С 1991 г. Сеул активно участвует в миротворческих операциях ООН и работе различных международных организаций, регулярно предлагает масштабные проекты, инициирует гуманитарные проекты в развивающихся странах.

Однако анализ представлений как о стратегической автономии, так и о сути и роли средней державы был бы неполным без глубинного понимания социально-исторического контекста, в котором он формировался. А генезис этих представлений в Корее связан не с либерализацией международной обстановки после холодной войны, а с гораздо более ранними процессами.

Социально-исторический контекст корейской субъектности

Внешнеполитическое поведение Сеула всегда отражало два изначально присущих южнокорейской политической ситуации набора противоречий: между провинциализмом и интернационализмом, а также между зависимостью от альянса с более сильной державой-«патроном» и стремлением к самостоятельности (автономии). Схематично эти взаимосвязанные противоречия представлены в книге С. Снайдера *South Korea at the Crossroads*¹.

На стыке этих ключевых тезисов формировались и общие представления южнокорейского политикума о желаемом направлении развития страны: изоляционизм с опорой на альянс; интернационализм с опорой на альянс; интернационализация с претензией на автономию; стремление к независимости на основе нейтралитета². Если первая опция практически исчерпывающе описывает внешнеполитические возможности РК в период противостояния великих держав, то четвертая, как уже упоминалось, всегда была – и до сих пор остается – прежде всего предметом интеллектуальных упражнений в академических и политических кругах (не только корейских³), но до практической реализации никогда не доходила.

Эти противоречия оформились задолго до начала холодной войны и проявились в процессе модернизации страны на рубеже XIX–XX вв. К этому же периоду некоторые исследователи относят и формирование идеи «среднедержавности». Так, Син Донъмин находит истоки этого понятия в воззрениях корейских интеллектуалов конца XIX в., приводя в пример статью Ю Гильчжуна «Чунънимнон (Концепция нейтралитета)» 1885 г.⁴ При всей ненадежности исторических параллелизмов сложно не заметить созвучие идеи Ю Гильчжуна и риторики *чунъ-нипкук* (срединного, в равной степени удаленного от всех, то есть нейтрального, государства) при Но Мухёне и Пак Кынхе. Разделение корейского политикума на

1 Snyder 2018, 8.

2 Ibid., 7.

3 J. Robertson, "Coming soon: A neutral South Korea?" The Interpreter, November 4, 2020, accessed June 23, 2021, <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/coming-soon-neutral-south-korea>; Лукин 2021, 186.

4 Shin 2012, 138–139.

фракции *тонъмэълха* (сторонников альянса с США – консерваторов) и *чачжупха* (сторонников опоры на собственные силы – либеральных прогрессистов)¹ напоминает противостояние конца XIX в. между консерваторами-изоляционистами и прогрессистами, выступавшими за открытость «страны-отшельника» миру. Современное противостояние этих фракций порой бывает таким острым, что для его описания обозреватели обращаются к библейским аллюзиям², чтобы подчеркнуть его важность для южнокорейского общества.

Ключевой идеей конструирования современной нации в Корее стала рефлексия над принципом *садэчжуи* («служение высшему») – средневековой концепцией организации миропорядка в конфуцианском мире. Примерно со второй половины XIX в. корейские интеллектуалы начинают активно осваивать западные идеи и пытаются переосмыслить традиционные догматы³.

В самом начале XX в. в Корею транзитом через Японию приходит кантовское понятие «субъект» (яп. *сютай*, кор. *чучхе*), то есть тот, кто обладает *агенсу* – акторностью, способностью к самостоятельному, независимому политическому действию. В 1908 г. им в полемической статье оперировал известный деятель движения за независимость Кореи Син Чхэхо (в контексте, подразумевавшем, что его читатель уже знаком с этим термином)⁴.

В политическом (и прежде всего внешнеполитическом) дискурсе субъектность – устойчивый синоним понятия «суверенитет». В современном корейском языке для обозначения этого понятия используется термин *чуквон*, который также восходит к японскому *сюкан* начала XX в. (тоже появившемуся в процессе осмысления кантовской философии). Изначально понятие *сюкан* соотносилось скорее со способностью к самостоятельному и абстрактному мышлению, а *сютай* означало способность к этическому действию. В период японского колониального господства в ходу были оба этих термина⁵.

Заметим, что в описываемый период формально независимой «великой империей» Корея была всего 13 лет (с момента отказа от китайского сюзеренитета в 1897 г. – до 1910 г., когда Корея стала колонией Японии). Однако суверенитет этот был скорее номинальным – ресурсами для его обеспечения Корея не располагала. Травмирующий опыт модерна сделал суверенность главным фокусом корейской политической мысли и подстегнул националистические настроения. После освобождения страны в 1945 г. передачу власти от японской колониальной администрации в руки корейцев один из лидеров народно-освободительного движения Ё Унхён обусловил требованием того, чтобы корейцы обеспечивали собственную безопасность суверенно (*чучхечжогыро*), причем это требование было подчеркнуто сформулировано по-корейски, хотя Ё Унхён свободно владел японским⁶.

1 Kim 2016, 4.

2 Так, одна из статей в *Washington Quarterly* в 2005 г. была озаглавлена следующим образом: "The Two South Koreas: A House Divided," (Shin, Izatt 2011, 1124). Это аллюзия на «дом, разделившийся в себе» из Евангелия от Матфея.

3 Строго говоря, становление в Корее «неканонической» философии, опиравшейся в том числе и на западные идеи, относят к более раннему периоду (конец XVI в.), а Китай с пьедестала безусловного духовного и интеллектуального авторитета низвергли еще корейские неоконфуцианцы после утверждения в Китае маньчжурской династии Цин в XVII в., но на нациестроительство эпохи модерна в Корее оба этих течения оказали минимальное влияние.

4 Myers 2015, 11.

5 Ibid., 12.

6 Ibid., 12, 21.

Понятие *чучхе* (и деривативы от него – *чучхесонъ* и *чучхечжок*) быстро утверждается в качестве ключевого политического концепта, причем на Юге даже раньше и в гораздо больших масштабах, чем в КНДР, где до середины 1960-х гг. оно используется достаточно редко. Натурализованный инородный концепт становится основой национальной идеологии в обеих частях разделенной Кореи (в 1970-х, при Пак Чонхи, *чучхесонъ* провозглашается официальной доктриной). Взаимные упреки в отсутствии субъектности – неперемный атрибут внешнеполитической пикировки Пхеньяна и Сеула, низкопоклонство – негативный политический стигмат и там, и там (разумеется, в это понятие вкладываются разные смыслы). Комментируя итоги американо-южнокорейского саммита, обозреватель *NKNews* приводит не лишнее ехидство замечание проправительственной (то есть либерально-прогрессистской) газеты *Кёнхьянь синмун*: «Если бы подобное заявление (совместное заявление по итогам саммита – *авт.*) подписало правительство консерваторов, его бы критиковали за сервильность»¹.

Тем не менее параллельно с нарративом национальной субъектности в Южной Корее после Корейской войны 1950–1953 гг. формируется нарратив нерушимого альянса с США, который институционализируется в Договоре о взаимной обороне, заключенном 1 октября 1953 г. Война (и ее исход) закрепили в политической идентичности страны представление о том, что 1) молодое демократическое государство является экзистенциальным антагонистом северного авторитарного коммунистического режима (хотя, конечно, большую часть холодной войны Южная Корея была скорее авторитарным, чем демократическим государством); 2) единственной надежной защитой от военной угрозы со стороны гораздо более мощного в военном и экономическом плане Севера (обладающего к тому же могущественными союзниками в лице КНР и СССР) являются вооруженные силы США. Таким образом, военный союз РК с США изначально складывался не как альянс двух суверенных государств, но как «процесс государственного строительства и милитаризации между клиентом и патроном – или странами, одна из которых обладала резко ограниченным эмпирическим суверенитетом, а другая – полным»². К такой структуре сводят отношения США и РК и отечественные авторы: «Республика Корея выступает крупнейшим примером современного мягкого протектората, который в значительной степени делегировал контроль над своей внешней политикой Соединенным Штатам в рамках двустороннего альянса»³.

Разумеется, существование такого союза сопровождалось классическими взаимными озабоченностями в рамках дилеммы безопасности, которые Г. Снайдер в общем виде определяет как опасения быть оставленными союзником (*abandonment*) и опасения попасть в ловушку (*entrapment*) – то есть быть втянутым в конфликт с третьей стороной против своего желания (в том случае, когда интересы сохранения альянса превышают интересы безопасности конкретного его участника)⁴. Так, США опасались, что Сеул втянет Вашингтон во второй раунд Корейской войны, а

1 Yeo Hyun-jun, "South Korea's Left and Right Praised ROK-US Summit, but for Different Reasons," *NK News*, July 02, 2021, accessed June 27, 2021, <https://www.nknews.org/2021/06/south-koreas-left-and-right-praised-rok-us-summit-but-for-different-reasons/>.

2 Jackson 1993, цит. по: Chun 2000, 82.

3 Истомин, Байков 2019, 38.

4 Snyder 1984.

Южная Корея остерегалась, что США оставят их. Очередного пика опасения в РК достигли в период администрации Д. Трампа, напористо пытавшегося наладить прямые отношения с Ким Чен Ыном и объявившего о приостановке совместных учений. Поэтому победа Дж. Байдена была воспринята в Сеуле с нескрываемым удовлетворением, а итог июньского американско-корейского саммита был встречен на удивление позитивно всем южнокорейским политикомом¹.

Классической ловушкой вполне можно считать обстоятельства развертывания противоракетных комплексов *THAAD* в Южной Корее: эта система, официально предназначенная для защиты от северокорейских ракет, может быть модернизирована таким образом, что в радиус ее действия попадет уже и территория Китая². Разумеется, появление этой системы вызвало вполне обоснованную озабоченность у КНР и способствовало эскалации напряженности в регионе, сместив там баланс угроз.

Взаимные опасения возникали и вокруг отношений с КНДР: и Вашингтон, и Сеул претендуют на единоличный контроль над политической коммуникацией с Пхеньяном. Соответственно, усилия КНДР по налаживанию прямых контактов с США всегда вызывают раздражение у Южной Кореи, а шаги РК, направленные на развитие отношений с КНДР – у США (и наоборот). В этом контексте, конечно, большую роль играет восприятие уровня угроз, которое имеет свойство колебаться в довольно больших пределах – вплоть до того, что в некоторые моменты южнокорейская общественность (и часть политического истеблишмента) начинает считать, что главную угрозу безопасности представляет не Пхеньян (или Пекин), а Вашингтон³. В свою очередь, опасения у США может вызывать и одностороннее усиление Южной Кореи⁴. Это положение прекрасно иллюстрирует резкая реакция Вашингтона на попытки Пак Чонхи развивать ядерную программу.

Однако никто из теоретиков не усматривает во всем комплексе этих опасений реальной угрозы для устойчивости альянса. Более того, некоторые уверены, что «в отсутствие альтернативного решения вопроса безопасности или возможности “выхода” (потенциальных союзников, способных заменить патрона, или возможностей для кардинального самоусиления), опасения быть оставленными союзником могут – парадоксально – привести как раз к укреплению союза»⁵.

Обращение к классической реалистской парадигме позволяет представить дискурс о «стратегической автономии» как элемент достаточно линейного «процесса обретения РК все большей автономии» в рамках американско-южнокорейского союза⁶, сохраняя при этом прежний уровень гарантий безопасности со стороны США (вполне в духе торга по Дж. Морроу⁷). Но проблема заключается в том, что этот дискурс касается не только вопросов соотношения уровней автономии и безопасности, справедливого распределения бремени в альянсе или диверсификации международной активности Сеула.

1 Yeo Hyun-jun, “South Korea’s Left and Right Praised ROK-US Summit, but for Different Reasons.”

2 Sukjoon Yoon, “Upgrading South Korean THAAD,” *The Diplomat*, May 10, 2021, accessed June 27, 2021, <https://thediplomat.com/2021/05/upgrading-south-korean-thaad/>

3 Young-Lim Hong, “U.S. More Dangerous Than North Korea,” *Chosun Ilbo*, January 12, 2004. Цит. по: Shin, Izatt 2011, 1133.

4 권영근 2016.

5 Cha 2003, 24.

6 Chun 2000, 82.

7 Morrow 1993.

Дискуссия о судьбе альянса с самого начала была элементом южнокорейской внешне- и внутривластной идентичности. Сегодня она скорее служит драйвером внутривластной конкуренции, чем серьезным фактором внешнеполитической стратегии (а эти материи выходят за пределы интересов реалистских концепций). Особым фактором внутривластной повестки и инструментом предвыборной борьбы становится антиамериканизм, связанный с обстоятельствами союза лишь опосредованно. Так, во время предвыборной кампании Но Мухёна антиамериканские настроения, подогреваемые прогрессистами, достигли такого накала, что даже его тогдашний оппонент от консерваторов Ли Хвечхан, поначалу открыто демонстрировавший связи с вашингтонским истеблишментом, был вынужден несколько дистанцироваться от США¹.

Однако антиамериканские настроения в южнокорейском обществе, сформировавшиеся еще в 1980-х гг. на волне движения за демократизацию, до начала XXI в. вообще никак не трансформировались в неприятие альянса (а в 1990-х гг. и вовсе пошли на спад)². Пришедший к власти на волне антиамериканизма Но Мухён стал вторым после Пак Чонхи южнокорейским президентом, выделившим войска для участия в зарубежной военной операции не под эгидой ООН (в Ираке).

Связывая обострение противоречий с США по поводу альянса с ходом демократизации самой РК³, исследователи отмечают, что развитие этого процесса зависело не только от активности гражданского общества, но и от одобрения его действий Вашингтоном и соответствующего давления на режим⁴. При этом наступление демократизации, практически совпавшее с окончанием холодной войны, закрепило образ «патрона-победителя» как безусловный идеал, способствуя дальнейшей вестернизации Южной Кореи и укреплению культурно-политических связей между США и РК.

Не стоит забывать и о том, что в своем каноническом виде теория альянсов все же описывает взаимоотношения государств в рамках задач по поддержанию баланса сил (и глобального проецирования силы государства-патрона, для которого государство-клиент остается лишь инструментом)⁵. Нынешняя политическая реальность – и структура международных отношений – гораздо сложнее и динамичнее, а для описания глобальных проектов Сеула (например, в области ядерной энергетики или культурной дипломатии «на гребне корейской волны» – *халлю*) теория альянсов не подходит вовсе. Однако именно эволюция союза с США становится как ограничителем, так и драйвером дискурса о «стратегической автономии», отражающего амбивалентность южнокорейской политической идентичности.

Во время холодной войны и в периоды эскалации на Корейском полуострове после нее, когда угроза со стороны КНДР воспринимается остро, противоречие между выраженным стремлением к субъектности и приверженностью асимметричному альянсу, требующему жертвовать автономией ради безопасности, не приводит к серьезным кризисам идентичности. Хотя

1 Shin, Izatt 2011, 1123.

2 Ibid., 1120–1121.

3 Chun 2000; Cha 2003; Shin, Izatt 2011; Bong 2017.

4 Asmolov 2019.

5 Chun 2000, 82.

история внешней политики РК достаточно хорошо показывает это противоборство между ориентацией на сюзерена и желанием демонстрировать независимость. Так, Ли Сынман бывал настолько «строптив», что США подумывали над его свержением¹, а Пак Чонхи пытался разрабатывать собственную ядерную программу вопреки противодействию США.

Однако когда уровень восприятия угроз снижался, и Сеул возвращался к дискуссии об автономии, и Вашингтон ослаблял давление на оба корейских государства. Теоретики же возвращались к дискуссии о взаимосвязи альянса и идентичности: так, В. Ча считал построение «общей идентичности» (*shared identity*)² одним из аспектов устойчивости этого альянса, а другие исследователи отмечали «двойственность идентичности» РК в его рамках³.

Влияние социально-исторических факторов прослеживается не только в отношении к США (и к альянсу). Так, через особенности южнокорейской политической идентичности можно объяснить и «девиации» Сеула от собственных средним державам рамок поведения. Яркой иллюстрацией этого могут служить антияпонские настроения, глубоко укорененные в обществе. Разногласия касаются как болезненных вопросов исторической памяти, связанных с периодом японского колониализма⁴, так и территориальных споров⁵, а озабоченность ремилитаризацией Японии упоминается практически в каждой южнокорейской работе по международным отношениям. Конфликт между антияпонизмом и идентичностью средней державы отмечают многие исследователи⁶. Имманентная антияпонизму конфронтационность противоречит общепринятым представлениям о стремлении средних держав к умиротворению, а не к раздуванию конфликтов. То же самое касается и стремительно нарастающих антикитайских настроений, резко меняющих восприятие Китая в Корее, и, как следствие, обстоятельств дипломатического балансирования.

Другой помехой для полноценной реализации «среднедержавной» идентичности считается догмат о «единой нации» и само стремление к объединению полуострова – в том смысле, что в погоне за объединением полуострова (что, по мысли некоторых аналитиков, должно сделать единую Корею еще более сильной «средней державой»⁷) Сеул готов идти на сближение с Пекином в таких пределах, которые уже не соответствуют национальным интересам РК⁸. Впрочем, в последнее время южнокорейское общество несколько охладело к вопросу объединения страны, а некоторая часть молодой консервативной элиты и вовсе не воспринимает северян как своих соотечественников⁹. Размывание догмата о «единой нации», очевидно, будет подтачивать мораль-

1 Юнгблюд, Садаков 2018.

2 Cha 2003, 26–28.

3 Chun 2000, 80.

4 См., например, Dyachkov 2020.

5 Дьячков 2020b.

6 См., например, Easley, Park 2018, 253–254.

7 Choi 2015, 54.

8 Easley, Park 2018, 255–256.

9 Ланьков, А. «Господин Пак» и окружающий его мир // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 07 июля 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/gospodin-pak-i-okruzhayushchiy-mir/> (дата обращения 08.07.2021).

ное основание для лидерства Сеула в коммуникации с КНДР. Тем более что и на Севере накал объединительной риторики снижается: так, в Уставе ТПК довольно напористые формулировки о борьбе за объединение сменились более обтекаемыми¹.

Сходную точку зрения высказывают и другие исследователи², а В. Ча утверждает, что корейской стратегической культуре многосторонний подход к вопросам безопасности исторически чужд (этим, наряду с нежеланием попасть в снайдеровскую «ловушку», можно, в частности, объяснить скепсис Сеула по отношению к QUAD). Он отводит мультилатерализму лишь вспомогательную роль в рамках альянса с США, считая более актуальными для Сеула гибкие *ad hoc* коалиции, для обозначения которых в западном лексиконе используется термин «минилатерализм» (*minilateralism*)³. В тех же терминах описывают исследователи и международный активизм в рамках МИКТА⁴.

Заключение

Обострившееся в последние годы противостояние Китая и США в очередной раз меняет общий баланс угроз в АТР, возвращая на повестку дня реалии холодной войны (пусть и «новой»). В этой реальности, вероятно, наиболее привычно ощущать себя КНДР, для которой холодная война не заканчивалась вовсе, а Южной Корее приходится переосмысливать свои внешнеполитические возможности и задачи.

Китай, к которому прежде отношение было несколько снисходительным, стремительно превращается в угрозу – прежде всего на уровне общественного восприятия⁵. При этом Китай с 2003 г. остается главным торговым партнером РК – в 2019 г. на его долю приходилось 25,1% южнокорейского экспорта и 21,3% импорта (США по обоим показателям отставали от Китая на 10 процентных пунктов и более)⁶, а на публичные политические демарши против Пекина официальный Сеул пока не отваживается⁷ – к досаде южнокорейских консерваторов. В их политическом лексиконе «гибкая дипломатия» Мун Чжэина, направленная одновременно на развитие стратегического партнерства с Китаем и укрепление альянса с США, получила презрительное название: «стратегическая нерешительность (или двусмысленность)». Наиболее радикальные противники обвиняют его в том, что он «продает страну Китаю».

Разумеется, подобные сентенции остаются политическими маргиналиями. РК не является ни «образцовым вассалом Китая», ни «марионеткой США». В контексте противостояния с Вашингтоном Пекин стремится перетянуть Сеул на свою сторону, однозначно и публично поддерживая любые устремления РК

1 “[표] 북한 노동당 규약 주요 개정 내용 ([Table] Major Amendments to the North Korean Labour Party Agreement),” 연합뉴스, June 1, 2021, accessed July 27, 2021, <https://www.yna.co.kr/view/AKR20210601170100504?fbclid=IwAR3l3vWj0J27xgDrFHkwwmpqCESh3yuv66Kpy9UIQvTBx11ABDN5mGhbAyM>.

2 Chun 2000, 80.

3 Cha 2003, 23–24.

4 Kim et al. 2018.

5 Ланьков, А. Война за кимчи: как история и национализм сталкивают Китай и Южную Корею // Московский центр Карнеги. 04 июня 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/84599> (дата обращения: 26.06.2021).

6 “UN Comtrade Database 2021,” The United Nations, accessed June 26, 2021, <https://comtrade.un.org/>.

7 Kim Dongwoo, “The Politics of South Korea’s ‘China Threat,’” The Diplomat, April 05, 2021, accessed June 26, 2021, <https://thediplomat.com/2021/04/the-politics-of-south-koreas-china-threat/>.

к независимой политике – по крайней мере до тех пор, пока та демонстрирует понимание китайских «красных линий», касающихся Тайваня и Гонконга. Сеул, оставаясь формальным и фактическим союзником США, далеко не всегда следует даже его прямым директивам. На региональном уровне ярким примером такой «непокорности» стала позиция Южной Кореи во время шестисторонних переговоров, а на глобальном об этом очевидно свидетельствуют результаты голосования на сессиях ГА ООН, где Сеул за последние 15 лет в среднем поддерживал Вашингтон реже чем в половине случаев (правда, в последние годы уровень поддержки даже вырос и в 2015–2017 гг. доходил до 47–48%)¹.

Стремление к политической субъектности было заложено в общественное сознание корейцев в самом начале периода нацистроительства, а вся его история только подпитывала это стремление. Однако не менее глубоко в южнокорейской политической идентичности укоренено и представление о необходимости и фактической безальтернативности асимметричного альянса с США, в котором Сеул жертвует частью суверенитета для обеспечения своей безопасности. Эта дилемма и сегодня определяет ключевые особенности внешней политики Республики Корея в АТР.

Дискурс о «среднедержавности», относительно непротиворечиво сочетающий и притязания на автономию, и ограничения на ее практические проявления, подчеркивал стремление Сеула к международной субъектности. Развитием этого дискурса стала риторика о «стратегической автономии» – модной, но не вполне оформившейся концептуально идеи о еще более независимой и диверсифицированной региональной и глобальной политике.

Конечно, даже апологеты стратегической автономии признают, что «среднедержавные» амбиции Сеула существенно ограничены как внешними, так и внутренними факторами². Далеко не все аспекты реализации этого дискурса встречают общенациональный консенсус. Так, претензии Но Мухёна на роль регионального посредника вызвали заметное внутреннее сопротивление, спровоцировав трения между различными ведомствами³.

Подводя промежуточный итог анализу южнокорейского дискурса о стратегической автономии, стоит отметить, что сама его недостаточная концептуализация предоставляет широкие возможности как для теоретических, так и для практических трактовок, что делает понятие «стратегической автономии» чрезвычайно динамическим.

На сегодня этот солидно звучащий конструкт остается элементом прежде всего внутривнутриполитической дискуссии (и инструментом внутривнутриполитической легитимации) либералов-прогрессистов и консерваторов. Если прогрессисты понимают стратегическую автономию как амбициозную декларацию претензий Сеула на более значимую роль в мире, то для консерваторов это в лучшем случае – политическая воля, необходимая для того, чтобы сделать верный выбор между США и КНР в усложняющейся международной обстановке. При этом, – когда по умолчанию, когда открыто, – они утверждают, что выбора как такового

1 Истомин, Байков 2019, 42.

2 Choe 2021, Executive summary.

3 Shin 2016, 197.

вовсе нет и основой для внешней политики (по крайней мере в области обеспечения безопасности) может быть только союз с США. Многие внешние наблюдатели разделяют эту позицию¹. Общность идейно-политических ценностей США и РК неоспорима. Китай союзником РК быть не может (либеральная демократия и социализм – пусть и «с китайской спецификой» – доктринально несовместимы), а Япония скорее является ее конкурентом за влияние в регионе и даже источником определенных угроз. Так что целью Сеула, скорее, должно быть вытеснение Токио с позиции главного союзника Вашингтона (комментируя итоги американо-южнокорейского саммита, южнокорейская пресса оживленно перечисляла признаки предпочтительного, по сравнению с Японией, отношения США к РК²).

В этом качестве Южная Корея, конечно, должна занять роль главного эксперта по северокорейским делам, под контролем которого находится вся международная коммуникация КНДР. «Идеальным вариантом для Сеула была бы однозначная пассивная поддержка Россией³ его видения и инициатив в отношении Севера, полярность которых меняется в зависимости от предпочтений действующей власти»⁴.

В завершение нашего исследования хотелось бы обратить внимание на две теоретические концепции, которые представляются нам весьма перспективными (в том числе и для оценки развития дискурса о «стратегической автономии»). Прежде всего, это модель «системного воздействия» Э. Карра. Ее основное достоинство в том, что она делает акцент на региональных событиях и требует постоянного мониторинга и переоценки структуры международных отношений и конкретного влияния страны в рамках этой структуры. Анализ этого влияния позволит понять, насколько политический дискурс подкрепляется как дискурсивными, так и эмпирическими результатами, насколько полно воплощается на практике декларируемая страной международная роль и как изменяется представление об этой роли в процессе международного взаимодействия (иными словами, насколько велика «напористость» Сеула на международной арене и как она реализуется на практике).

Для верификации этой оценки, как нам представляется, может быть очень полезна методика, предложенная И. Сафранчуком и Ф. Лукьяновым⁵, основанная на трактовке «дилеммы заключенного». Отмечая радикальные изменения в структуре и формах взаимодействия стран на мировой арене (сочетание материальной глобальности с идейной неоднородностью), они приходят к выводу о том, что на смену традиционной конфронтационной «игре с нулевой суммой» приходят взаимодействия, в которых участники стремятся не столько к абсолютной выгоде за счет конкурента, сколько к минимизации взаимных потерь по модели *not-lose – not-lose*. По нашему мнению, такая модель пригодна для

1 Ланьков, А. Принуждение к выбору: за кем пойдет Сеул // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 27 мая 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/prinuzhdenie-k-vyboru-za-kem-poydyet-seul/> (дата обращения: 18.07.2021).

2 Yeon Hyun-jun, "South Korea's Left and Right Praised ROK-US Summit, but for Different Reasons."

3 То же справедливо и по отношению к другим странам. Сеул всегда претендовал на роль «главного переводчика с северокорейского», хотя во многих случаях КНДР удавалось добиваться более серьезных результатов без южнокорейского посредничества.

4 Дьячков 2020а, 73.

5 Сафранчук, Лукьянов 2021.

теоретического анализа как «гибкой дипломатии» (то есть лавирования между Китаем и США) Мун Чжэина, так и попыток Сеула добиться большей автономии в рамках союза с США.

Вторая, более «крупная», рамка – это концепция комплексов региональной безопасности (КРБ) Б. Бузана – О. Вэйвера. Эта концепция востребована и среди отечественных, и среди зарубежных специалистов¹, но нам представляется, что ее потенциал реализован далеко не полностью. Для государств региона характерны сильная взаимосвязанность и взаимозависимость. Вопросы региональной безопасности отличаются высокой динамикой (так, уже упомянутая группа молодых южнокорейских консерваторов перспективу падения нынешнего северокорейского режима с последующим объединением страны по немецкому образцу считает едва ли не более серьезной угрозой национальным интересам, чем прямую агрессию со стороны Пхеньяна²). В регионе сталкиваются интересы великих и средних держав (что формально выходит за рамки концепции КРБ, постулирующей преимущественно эндогенный характер угроз безопасности, однако Б. Бузан и О. Вэйвер выделяют Восточную Азию в особый «суперкомплекс»), и вопросы их взаимоотношений интенсивно секьюритизируются как на национальном, так и на межгосударственном уровнях. А поскольку секьюритизация – процесс дискурсивный, в нем может проявляться то «системное влияние», о котором говорит Э. Карр: у того, кто ведет этот дискурс, будет больше возможностей для формирования региональной структуры безопасности и воздействия на нее. Иными словами, способность страны секьюритизировать на внутривнутриполитическом и международном уровнях ту или иную региональную проблему будет отражать как меру ее стратегической автономии, так и уровень дискурсивного влияния, а степень ее участия и фактический вклад в формирование региональных комплексов безопасности – меру ее эмпирического влияния.

1 См., например: Лукин 2011; Cho 2020.

2 Ланьков, А. «Господин Пак» и окружающий его мир.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алексеева, Т. Мыслить конструктивистски: Открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. – 2014. – 5 (1(14)). – С. 4–21. [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1\(14\)-4-21](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1(14)-4-21).
- Alexeyeva, T. A. "Think Like Constructivist: Discovering a Polyphonic World." *Comparative Politics (Russia)* 5, no. 1(14) (July 8, 2015): 4–21 [In Russian].
- Воронцов, А., Понька, Т., Варпаховскис, Э. Концепция «средней силы» (Middle Power) во внешней политике Республики Корея // Международные процессы. – 2020. – 18(1). – С. 89–105. <https://doi.org/10.17994/IT.2020.18.1.60.5>.
- Vorontsov, A., T. Ponka, and E. Varpahovskis. "Middlepowermanship in Korean Foreign Policy." *International Trends / Mezhdunarodnye Protsestry* 18, no. 1 (January 26, 2021): 89–105 [In Russian].
- Дьячков, И. Российско-южнокорейские политические связи: 30 лет спустя // *Корейский полуостров: история и современность*. – М.: ИДВ РАН, 2020а. – 456 с.
- Dyachkov, I. "Rossijsko-yuzhnokorejskie politicheskie svyazi: 30 let spustya." In *Korejskij poluostrov: istoriya i sovremennost'*. Moscow: IDV RAS, 2020A [In Russian].
- Дьячков, И. Остров Токто в южнокорейско-японских отношениях: история, память, политика // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2020b. – Том 11. – Выпуск 12 (98). – Часть 1.
- Dyachkov, Ilya. "Ostrov Tokto v yuzhnokorejsko-yaponskih otnosheniyah: istoriya, pamyat', politika." *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya"* 11, no. 98 (2020B) [In Russian].
- Истомин, И., Байков, А. Динамика международных альянсов в неравновесной мировой системе // Мировая экономика и международные отношения – 2019. – Том 63, № 1. – С. 34–48. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-1-34-48>.
- Istomin, I., and A. Baykov. "Dynamics of International Alliances in an Unbalanced World Structure." *World Economy and International Relations* 63, no. 1 (2019): 34–48 [In Russian].
- Лукин, А. Россия и Корейский полуостров: политический реализм и эмпатия // Политические исследования – 2021. – № 3. – С. 182–191. <https://doi.org/10.17976/jpp/2021.03.12>.
- Lukin, A. "Russia and the Korean Peninsula: Political Realism and Empathy." *Polis. Political Studies*, no. 3. (2021): 182–191 [In Russian].
- Лукин, А. Теория комплексов региональной безопасности в Восточной Азии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2011. – № 2. – С. 7–19.
- Lukin, A. "The Regional Security Complex Theory and East Asia." *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya*, no. 2 (2011): 7–19 [In Russian].
- Юнгблуд, В. Садаков, Д. Дипломатическое обеспечение вмешательства США в корейскую войну. Опыт кризисного реагирования // Вестник МГИМО-университета. – 2018. – № 4 (61). – С. 241–261. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-4-61-241-261>.
- Yungblud, V., and Sadakov, D. "Diplomatic Support of US Involvement in the Korean War June 25 – July 6 1950: Crisis Response Experience." *MGIMO Review of International Relations* 4, no. 61 (September 1, 2018): 241–61 [In Russian].
- Сафранчук И., Лукьянов Ф. Современный мировой порядок: структурные реалии и соперничество великих держав // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 3. – С. 57–76.
- Safranchuk, Ivan A., and F. Lukyanov A. "The Modern World Order: Structural Realities and Great Power Rivalries." *Polis. Political Studies*, no. 3 (2021): 57–76 [In Russian].
- Asmolov, Konstantin V. "Lessons of Korean Democratization for Modern Russia." *Russia in Global Affairs* 17, no. 2 (2019): 174–200. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2019-17-2-174-200>.
- Bong, Y. "Continuity Amidst Change: The Korea – United States Alliance." In *Global Allies: Comparing US Alliances in the 21st Century*, edited by M. Wesley, 45–58. ANU Press: Australia, 2017.
- Carr, Andrew. "Is Australia a Middle Power? A Systemic Impact Approach." *Australian Journal of International Affairs* 68, no. 1 (January 31, 2014A): 70–84. <https://doi.org/10.1080/10357718.2013.840264>.
- Carr, A. "Is Australia a Middle Power?" *Australian Outlook. Australian Journal of International Affairs*. March 07, 2014B. <https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/iss-australia-a-middle-power/>.
- Cha, V. "America's Alliances in Asia: The Coming 'Identity Crisis' with the Republic of Korea?" In: Jr. Boose, W. Donald, Y. Balbina, M. Hwang, P. Morgan, and A. Scobell, eds. *Recalibrating the U.S.-Republic of Korea Alliance*. Strategic Studies Institute (SSI), 2003.
- Chapnick, Adam. "The Middle Power." *Canadian Foreign Policy Journal* 7, no. 2 (January 1999): 73–82. <https://doi.org/10.1080/11926422.1999.9673212>.
- Chapnick, Adam. "The Canadian Middle Power Myth." *International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis* 55, no. 2 (June 25, 2000): 188–206. <https://doi.org/10.1177/002070200005500202>.
- Choe Wongi. "New Southern Policy: Korea's Newfound Ambition in Search of Strategic Autonomy." *Asie.Visions, No. 118, Ifri*. January 2021. www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/choe_new_southern_policy_korea_2021.pdf.
- Choi, Y. "South Korea's Regional Strategy and Middle Power Activism." *Journal of East Asian Affairs* 23, no. 1 (2015): 47–67.
- Chun, Chaesung. "Theoretical Approaches to Alliance: Implications on the R.O.K.–U.S. Alliance." *Journal of International and Area Studies* 7, no. 2 (2000): 71–88.
- "Chapter Two: Comparative Defence Statistics." *The Military Balance* 121, no. 1 (January 1, 2021): 23–29. <https://doi.org/10.1080/04597222.2021.1868791>.
- Cooper, A., R. Higgott, and K. Nossal. *Relocating Middle Powers: Australia and Canada in a Changing World Order*. UBC Press: Vancouver, 1993.
- Cox, Robert W. "Middlepowermanship, Japan, and Future World Order." *International Journal* 44, no. 4 (1989): 823. <https://doi.org/10.2307/40202638>.
- Dyachkov, Ilya. "Collective Memory And Politics: 'Comfort Women' In Current Relations Between South Korea And Japan." *Russian Japanology Review*, no. 2. (2020): 68–87.
- Easley, Leif-Eric, and Kyuri Park. "South Korea's Mismatched Diplomacy in Asia: Middle Power Identity,

Interests, and Foreign Policy." *International Politics* 55, no. 2 (March 19, 2018): 242–63. <https://doi.org/10.1057/s41311-017-0073-5>.

Green, M. J. "Is the Era of Korean Middle Power Diplomacy Over? A Realist Perspective." *Korean Journal of Defense Analysis* 31 (2019): 1–20.

Jackson, Robert H. *Quasi-states: Sovereignty, International relations and the Third World*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

Jordaan, Eduard. "The Concept of a Middle Power in International Relations: Distinguishing between Emerging and Traditional Middle Powers." *Politikon* 30, no. 1 (May 30, 2003): 165–81. <https://doi.org/10.1080/0258934032000147282>.

Jordaan, Eduard. "The Emerging Middle Power Concept: Time to Say Goodbye?" *South African Journal of International Affairs* 24, no. 3 (July 3, 2017): 395–412. <https://doi.org/10.1080/10220461.2017.1394218>.

Kim, S. "South Korea's Middle-Power Diplomacy: Changes and Challenges." *Chatham House Royal Institute of International Affairs*, 2016. <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/research/2016-06-22-south-korea-middle-power-kim.pdf>.

Kim, Sung-Mi, Sebastian Haug, and Susan Harris Rimmer. "Minilateralism Revisited: MIKTA as Slender Diplomacy in a Multiplex World." *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations* 24, no. 4 (2018): 475–489. <https://doi.org/10.1163/19426720-02404001>.

Korhonen, Pekka, and Tomoomi Mori. "North Korea as a Small Great Power." *The Asia-Pacific Journal: Japan Focus* 17, no. 5 (2019): 1–25.

Leonard, Mark, and Jeremy Shapiro. "Strategic Sovereignty: How Europe Can Regain the Capacity to Act." *European Council on Foreign Relations*, 2019. https://ecfr.eu/archive/page/-/1_Empowering_EU_member_states_with_strategic_sovereignty.pdf.

Morrow, James D. "Alliances and Asymmetry: An Alternative to the Capability Aggregation Model of Alliances." *American Journal of Political Science* 35, no. 4 (November 1991): 904. <https://doi.org/10.2307/2111499>.

Morrow, James D. "Arms versus Allies: Trade-Offs in the Search for Security." *International Organization* 47, no. 2 (1993): 207–33. <https://doi.org/10.1017/S0020818300027922>.

Myers, B. *North Korea's Juche Myth*. Sthele Press, 2015.

Ping, Jonathan H. *Middle Power statecraft: Indonesia, Malaysia and the Asia Pacific*. London: Ashgate, 2005.

Robertson, Jeffrey. "South Korea as a Middle Power: Capacity, Behavior, and Now Opportunity." *International Journal of Korean Unification Studies* 16, no. 1 (2007): 151–174.

Robertson, Jeffrey. "Middle-Power Definitions: Confusion Reigns Supreme." *Australian Journal of International Affairs* 71, no. 4 (July 4, 2017): 355–70. <https://doi.org/10.1080/10357718.2017.1293608>.

Saxer, Carl J. "Capabilities and Aspirations: South Korea's Rise as a Middle Power." *Asia Europe Journal* 11, no. 4 (December 18, 2013): 397–413. <https://doi.org/10.1007/s10308-013-0361-7>.

Shin, Gi-Wook, and Hilary Jan Izatt. "Anti-American and Anti-Alliance Sentiments in South Korea." *Asian Survey* 51, no. 6 (November 1, 2011): 1113–33. <https://doi.org/10.1525/as.2011.51.6.1113>.

Shin, Soon-ok. "South Korea's Elusive Middlepowermanship: Regional or Global Player?" *The Pacific Review* 29, no. 2 (March 14, 2016): 187–209. <https://doi.org/10.1080/09512748.2015.1013494>.

Shin, D.M. "The Concept of Middle Power and the Case of the ROK: A Review." In: F. Rüdiger, J. Hoare, P. Köllner, and S. Pares, eds. *Korea 2012: Politics, Economy and Society*. Leiden: Brill, 2012.

Snyder, Glenn H. "The Security Dilemma in Alliance Politics." *World Politics* 36, no. 4 (July 13, 1984): 461–95. <https://doi.org/10.2307/2010183>.

Snyder, S. *South Korea at the Crossroads: Autonomy and Alliance in an Era of Rival Powers*. New York: Columbia University Press, 2018.

Sohn, Y. "Searching for a New Identity: South Korea's Middle Power Diplomacy." *Friede Policy Brief* 212, (2015): 1–6.

권영근. "대한민국의 안보와 자율성에 관한 미국의 인식과 행태 연구." *전략연구* 23.3 (2016): 91–125.

"South Korea's Security And Autonomy Of The United States Regarding The Recognition And Behavioral Research." *Korean Strategy Reform Institute* 23, no. 3 (2016): 91–125. <https://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE07047774> [In Korean].

이수형. «남북한 한반도 정치와 강대국 동맹정치 간의 연계성 분석» *세계정치* 16, no.0 (2012): 141–170.

Soo Hyung Lee. "The Linkage Between South-North Korean Politics and Great Power Politics in Northeast Asia." *World Politics* 16, no.0 (2012): 141–170 [In Korean].

Сведения об авторах*Константин Валерианович Асмолов,*

к.и.н., в.н.с. Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН и Международного учебно-научного центра корееведческих исследований Института стран Азии и Африки при МГУ.
Россия, 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32.

ResearcherID: G-5161-2019**ORCID:** 0000-0003-1584-2748**IstinaResearcherID (IRID):** 5857994**e-mail:** kvasm@mail.ru; asmolov@ifes-ras.ru*Александр Валерьевич Соловьев,*

заместитель главного редактора журнала «Россия в глобальной политике»;
приглашенный преподаватель департамента международных отношений факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ. Россия, 119049, Москва, А/Я 623, ФИМП.

ResearcherID: Y-6177-2018**ORCID:** 0000-0003-2897-0909**e-mail:** a.soloviev@globalaffairs.ru**Дополнительная информация**

Поступила в редакцию: 5 июня 2021.

Переработана: 14 июля 2021.

Принята к публикации: 19 июля 2021.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Благодарности

Авторы выражают искреннюю признательность анонимным рецензентам за конструктивную критику и замечания, а также А. Ланькову и А. Цыганкову за ценные советы и комментарии.

Цитирование

Асмолов, К.В., Соловьев, А.В. Стратегическая автономия Республики Корея: интеллектуальная химера или политическая реальность? // *Международная аналитика*. – 2021. – Том 12 (2). – С. 49–73.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-2-49-73>

Strategic Autonomy for ROK: Intellectual Pipe Dream or Political Reality?

ABSTRACT

The discourse of “strategic autonomy,” which has gained popularity in the Republic of Korea in recent years, has yet to undergo serious theoretical revision. This article attempts to fill the gap by examining the South Korean discourse of “middle powers,” from which the discourse of “strategic autonomy” grew, and the socio-historical analysis of Korean perceptions of political subjectivity, which developed under the powerful influence of both Western ideas from the early 20th century and the political realities of the military alliance with the United States. In the first section the authors examine the specifics of South Korea’s use of the concept of “strategic autonomy” in relation to its foreign policy strategy. This concept is examined using a constructivist paradigm. In the second section, the authors examine the discourse of “middle power,” around which the concept of “strategic autonomy” is built. Compared to the former, this concept is quite elaborated in Western

and Korean political discourses. Finally, the third section of the article examines the evolution of these concepts in South Korean discourse. The circumstances of the formation and development of the military-political alliance with the United States play an extremely important role in this evolution, and the discourse around its prospects largely determines the features of the country's domestic policy. The authors conclude that from the academic point of view the concept of "strategic autonomy" can only be considered as a discursive category close to the concept of "hedging," but it is an important element of South Korea's political identity and an essential factor of internal political struggle.

KEYWORDS

strategic autonomy, middle power, hedging, the ROK-U.S. alliance, systemic impact, discourse, flexible coalitions

Authors

Konstantin V. Asmolov,

PhD in History, Leading Researcher at the Center for Korean Studies, Institute of the Far East, Russian Academy of Sciences, and the International Center for Korean Studies, Institute of Asian and African Studies, Moscow State University. 32 Nakhimovsky pr., Moscow, 117997, Russia.

ResearcherID: G-5161-2019

ORCID: 0000-0003-1584-2748

IstinaResearcherID (IRID): 5857994

e-mail: kvasm@mail.ru; asmolov@ifes-ras.ru

Alexander V. Soloviev,

Deputy Editor-in-Chief, "Russia in Global Affairs," Visiting Lecturer, Department of International Relations, Department of World Economy and World Politics, National Research University Higher School of Economics. Russia, 119049, Moscow, A/Y 623, FIMP.

ResearcherID: Y-6177-2018

ORCID: 0000-0003-2897-0909

e-mail: a.soloviev@globalaffairs.ru

Additional information

Received: June 5, 2021. Revised: July 14, 2021. Accepted: July 19, 2021.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

Acknowledgements

The authors thank the anonymous reviewers for their constructive criticism and comments, as well as A. Lankov and A. Tsygankov for their valuable advice and comments.

For citation

Asmolov, Konstantin V., and Alexander V. Soloviev. "Strategic Autonomy for ROK: Intellectual Pipe Dream or Political Reality?" *Journal of International Analytics* 12, no. 2 (2021): 49–73.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-2-49-73>